КОНТРОЛЬНЫЙ ПАКЕТ

Любовный роман · 18+



18+

Кирилл Прикота

Кирилл Прикота
Контрольный пакет

https://litres.ru/74981202
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Сомова привыкла оценивать чужие риски, сидя в московском банке. Но после смерти отца, с которым она не разговаривала шесть лет, ей достаются 34% агрохолдинга «Сомов Зерно»: элеваторы, мельницы, сто сорок пекарен и долг в тридцать девять миллиардов. Банки дают девяносто дней. Партнёр отца улыбается и предлагает «справедливую цену». А миллиардер Арсений Ланской, холодный, безупречно вежливый и слишком хорошо осведомлённый, уже скупает компанию по частям.

Чтобы спасти отцовское дело, Вере придётся сесть за стол переговоров с человеком, который пришёл за её наследством. И с человеком, к которому её тянет так, что это опаснее любой сделки.

Деньги, власть, тайна двадцатилетней давности и страсть, в которой никто не хочет проигрывать.

Содержание

Контрольный пакет	4
Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Шесть и четыре	18
Глава 3. Ужин без десерта	29
Глава 4. Мельница	41
Глава 5. Девяносто дней	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кирилл Прикота
Контрольный пакет

Контрольный пакет

Роман
18+

Глава 1. Наследство

В Ярославле шёл мокрый снег, хотя по календарю был конец марта. Снег не падал, а висел в воздухе, как мука над тестомесом, и оседал на чёрных пальто так, что через десять минут все стоящие у могилы выглядели одинаково седыми.

Вера стояла чуть в стороне. Не потому, что так хотела, а потому, что её туда поставили. Первый ряд заняла Эльвира — в норковой шапке-таблетке, с вуалью, которую где-то же надо было купить за два дня. Рядом с ней Рустам Гарифуллин держал зонт так, чтобы он закрывал обоих, и каждые три минуты наклонялся к уху вдовы. Дальше — губернаторский зам, два депутата, какие-то люди из банков с одинаковыми лицами, как будто их выпекли в одной форме. Директора элеваторов. Директора комбинатов. Вера знала по именам от силы пятерых.

Дочь стояла за спинами директоров.

«Ну и правильно, — подумала она. — Шесть лет не звонила, теперь стой, где поставили».

Гроб был тёмного дерева, с латунными ручками. Отец бы сказал, что переплатили. Он всегда говорил, что переплатили, даже когда покупал элеватор за семьсот миллионов в Россоши: «Переплатили, Верка. Но он того стоит. Ты посмотри, какие силосы, это ж соборы».

Священник закончил. Кто-то всхлипнул — кажется, бух-

галтер Марина Олеговна, маленькая женщина в пуховике цвета спелой сливы, единственная, кто подошёл к Вере у ворот кладбища и молча сжал ей руку. Могильщики взялись за ремни.

И тут к ограде подъехала машина.

Вера потом пыталась вспомнить, почему обернулась. Машин было много — кортеж из «Лэнд Крузеров» и служебных «Камри» тянулся от самого входа. Но эта подъехала не со стороны ворот, а по боковой аллее, где ездить, кажется, вообще было нельзя. Длинная, чёрная, такая чистая, что мокрый снег на ней казался неуместным. «Майбах». Вера разбиралась в машинах примерно как в балете, но эту знала: на такой к их банку приезжал один клиент, ради которого вице-президент лично спускался в лобби.

Из машины вышел мужчина. Высокий, без шапки, в тёмно-сером пальто. Водитель раскрыл над ним зонт — мужчина взял зонт сам и что-то коротко сказал. Водитель отступил. В другой руке у мужчины были цветы: белые лилии, штук двадцать, без обёртки, перевязанные простой бечёвкой.

Разговоры у могилы стихли не сразу, а волной, как гаснет свет в зале перед спектаклем. Вера увидела, как Рустам выпрямился. Как Эльвира повернула голову, и вуаль её качнулась. Как один из банкиров — тот, что повыше, — быстро достал телефон и так же быстро убрал.

Мужчина подошёл. Не к первому ряду — он обошёл толпу сбоку, туда, где стояла Вера, и оказался в метре от неё.

От него пахло холодом и чем-то сухим, древесным. Он посмотрел в яму. Потом положил лилии на край — прямо на мокрую глину, на которую никто не решался ступить лакированными ботинками. Постоял секунд десять. Лицо у него было спокойное, почти скучающее, только на скуле дёрнулась мышца.

Потом он повернулся и посмотрел на Веру.

Глаза серые, светлые, как зимняя Волга. Вера ждала, что он что-то скажет — «соболезную», «примите», хоть что-нибудь. Он не сказал ничего. Чуть кивнул, словно отмечая галочку в списке, развернулся и пошёл обратно к машине.

— Кто это? — спросила Вера у Марины Олеговны, не поворачивая головы.

Бухгалтер ответила не сразу.

— Ланской, — сказала она тихо, будто фамилия могла услышать. — Арсений Викторович.

— Тот самый?

— А их много, что ли?

«Майбах» уехал так же беззвучно, как появился. Лилии остались лежать на глине, белые и нелепые, единственные цветы, которые не были в траурных лентах.

Рустам смотрел на них так, будто это была дохлая крыса.

Поминки устроили в доме. Отец построил его в две тысячи восьмом на высоком берегу, выше Тверицкой набережной: три этажа, кирпич, медная крыша, позеленевшая ровно

настолько, чтобы выглядеть старинной. Вера была здесь четыре раза. Первый — когда дом ещё пах штукатуркой и мама ходила по комнатам с рулеткой, мечтая, где будут шторы. Последний — шесть лет назад, через восемь месяцев после маминых похорон, когда отец сказал ей за ужином, что женится.

Шторы потом выбирала Эльвира. Бархатные, цвета бургундского вина.

В гостиной накрыли длинный стол. Кутья, блины, кисель — это для приличия. Остальное — осетрина, тарталетки с икрой, тёплый салат с телятиной, всё от лучшего кейтеринга в городе. Посередине, на деревянной доске, лежал каравай. Огромный, румяный, с косой по краю и надрезом крестом. Хлеб был единственным, что не прислал кейтеринг.

— Тамара пекла, — сказал кто-то за спиной.

Вера обернулась. Глеб.

Она не видела бывшего мужа четыре года и почему-то думала, что он изменился. Он не изменился. Те же широкие плечи, которые не помещались в костюм, — пиджак явно брали в последний момент. Те же руки, большие, с короткими ногтями и белым ожогом на запястье от противня. Только у висков появилась седина, и Вера подумала: «Мне тридцать четыре, а моему бывшему мужу уже седеть пора». Мысль была глупая и горькая одновременно.

— Привет, — сказал Глеб.

— Привет.

— Ты как?

— Отлично. Отца хороню. Ты?

Он хмыкнул — так он делал всегда, когда не знал, смеяться или обижаться.

— Я тоже, — сказал он. — Его хороню.

Вера хотела ответить что-нибудь острое, но не смогла. Глеб работал у отца восемь лет. Сначала технологом на комбинате, потом — когда отец решил, что мукомолу стыдно не иметь своего хлеба, — руководителем сети пекарен «Сомов и хлеб». Сто сорок точек от Ярославля до Москвы. Вера помнила, как отец сказал ей когда-то по телефону: «Твой Глеб — единственный человек в компании, который не ворует. Даже скучно».

После развода отец Глеба не уволил. Вера тогда восприняла это как предательство. Сейчас ей было почти всё равно.

— Тамара Ильинична здесь? — спросила она.

— На кухне. Сюда не пойдёт. Говорит, нечего ей среди этих.

— Каких «этих»?

Глеб красноречиво повёл глазами по залу. Банкиры уже сбились в кучку у окна, к ним подошёл губернаторский зам, и разговор, судя по лицам, шёл совсем не о покойном. Рустам курсировал между группами, как опытный официант: здесь пожмёт руку, там положит ладонь на плечо, тут засмеётся сдержанно, по-траурному. Эльвира сидела во главе стола с бокалом, и вокруг неё было пусто.

— Пойду к Тамаре, — сказала Вера.

— Верка, — Глеб тронул её за локоть. — Ты с нотариусом говорила?

— Завтра в десять. А что?

Он помолчал.

— Ничего. Просто… будь осторожней с Рустамом.

— Почему?

— Потому что он уже три раза спросил меня, надолго ли ты приехала.

На кухне было жарко и пахло дрожжами. Тамара Ильинична, крупная, с руками как у грузчика и седой косой, уложенной короной, сидела на табуретке у окна и смотрела в стену. На ней был чёрный платок и белый поварской фартук поверх чёрного платья — видимо, сняла бы фартук, только если бы её отпевали.

— Явилась, — сказала она, не поворачиваясь.

— Здравствуйте, тётя Тома.

— Здравствуй. Садись, раз пришла.

Вера села на соседнюю табуретку. Кухонный персонал кейтеринга деликатно испарился.

— Каравай очень красивый, — сказала Вера.

— Каравай как каравай. На его закваске. Он её в девяносто четвёртом завёл, когда мы на Краснoперекопской печку арендовали. Ты не помнишь, ты в коляске орала.

— Помню. Немного.

— Ничего ты не помнишь.

Тамара наконец повернулась. Глаза у неё были красные, сухие и злые.

— Он тебя ждал, — сказала она. — Каждый день рождения твой. Сидит вечером в кабинете, телефон на столе положит. Не звонит. Ждёт. Я ему говорю: «Петя, позвони ты, ты ж отец». А он: «Не надо, Тома. Она сама решит». Решила.

Вера смотрела на свои руки. Маникюр, сделанный в Москве неделю назад, в салоне на Остоженке, теперь казался ей неприличным, как смех в морге.

— Тётя Тома, он женился через восемь месяцев после мамы.

— Знаю. Дурак был. А ты — дура. Вот и вся ваша семья.

Она встала, тяжело, опираясь о подоконник. Взяла с плиты кастрюлю, налила в чашку что-то тёмное.

— Пей. Это иван-чай с мятой. Тебе сейчас коньяк будут предлагать — не пей. Тебе завтра голова нужна.

— Почему все так уверены, что завтра мне нужна голова?

Тамара посмотрела на неё долгим взглядом.

— Потому что он тебе всё оставил, — сказала она. — Его доля. Я знаю, мне Марина сказала. А эти, — она мотнула подбородком в сторону гостиной, — уже делят. Видела, как Рустам вокруг Эльвиры вьётся? Это не утешение. Это переговоры.

Рустам нашёл её на веранде через час. Вера курила — тре-

тью за вечер, хотя бросила в прошлом октябре и гордилась этим ровно сто сорок дней. На улице стемнело, снег превратился в дождь, внизу сквозь деревья светилась Волга — чёрная, широкая, с огнями моста вдалеке.

— Верочка, — сказал Рустам и встал рядом, тоже глядя на реку. — Можно я с тобой постою?

— Вы уже стоите.

Он рассмеялся мягко.

— Вся в отца. Он тоже так: сначала уколет, потом подумает.

Рустам Гарифуллин был из тех мужчин, которым идёт возраст. В пятьдесят четыре — подтянутый, загорелый даже в марте, с аккуратной серебристой бородкой. Часы на руке стоили, наверное, как Верина московская однушка, но выглядели скромно: тонкие, на кожаном ремешке. Говорил он тихо, так, что собеседник поневоле наклонялся.

— Я тебя на руках носил, — сказал он. — Помнишь? На даче у вас в Курбе, ты с качелей упала, я тебя в травмпункт вёз. Ты всю дорогу пела, чтобы не плакать. «Голубой вагон».

— Не помню.

— А я помню.

Он помолчал, давая ей время. Потом вздохнул.

— Вера, я буду говорить прямо, потому что ты взрослая и умная, и отец про тебя говорил, что ты в своём банке самая умная. Завтра нотариус объявит. Ты получаешь тридцать четыре процента «Сомов Зерна». Это большой пакет. Это бло-

кирующий пакет. Это, если по последней оценке, около двадцати миллиардов рублей на бумаге.

— На бумаге, — повторила Вера.

— Вот, — Рустам удовлетворённо кивнул, как учитель, ученица которого правильно решила пример. — Ты сразу поняла. На бумаге. А в жизни у компании долг тридцать девять миллиардов, неурожай, пошлина, банки нервничают. Тебе это всё надо? Ты в Москве живёшь, у тебя карьера, своя жизнь. А тут — элеваторы, профсоюзы, губернатор, зерно горит, вагоны не дают. Отец твой на этом сердце надорвал.

— Отец умер от тромба.

— От тромба, — согласился Рустам. — А тромб откуда? От нервов.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист и протянул ей. Вера не взяла. Тогда он развернул его сам и подержал перед её глазами, подсветив телефоном.

Цифра была написана от руки. Девять миллиардов.

— Это справедливо, — сказал Рустам. — Я считал. С учётом долга, с учётом рисков. Деньги — живые, на счёт, в течение месяца. Я найду, у меня есть партнёры. Ты закрываешь эту историю, уезжаешь в Москву богатой женщиной, и тебе никогда больше не надо думать про ковенанты и цену пшеницы на Новороссийской бирже.

Вера смотрела на цифру. В её банке такую оценку называли «дисконт за нервы». Если холдинг стоит шестьдесят один миллиард, как писали в последнем отчёте оценщика, а долг

тридцать девять, то капитал — двадцать два. Тридцать четыре процента от двадцати двух — семь с половиной. Девять — это даже больше, чем на бумаге.

Это было слишком щедро. А щедрость у людей вроде Рустама всегда стоит дороже, чем скупость.

— Почему больше? — спросила она.

— Что?

— Вы предлагаете больше, чем пакет стоит по балансу. Почему?

Рустам улыбнулся. Улыбка была отличная, отработанная на губернаторах и банкирах.

— Потому что я любил твоего отца, Вера. И хочу, чтобы его дочь была обеспечена.

— Угу.

— Не веришь?

— Рустам Ильдарович, я восемь лет оцениваю кредитные риски. Когда мне кто-то предлагает больше, чем стоит актив, это значит, что он знает про актив что-то, чего не знаю я.

Секунду его лицо было совершенно пустым. Потом он снова рассмеялся и сложил листок.

— Вся в отца, — повторил он. — Подумай. Предложение действует неделю. Потом… потом мне будет сложнее найти такие деньги.

Он ушёл в дом, а Вера осталась на веранде. Сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы. Она бросила окурок в мокрый снег и вдруг поняла, что ни разу за весь день не

заплакала.

Нотариус оказалась пожилой женщиной в очках на цепочке, которая говорила медленно и с такой интонацией, будто зачитывала меню в пансионате. Кабинет на Республиканской был тесный, с фикусом и календарём «Ярославские храмы». На стульях сидели Вера, Эльвира и Рустам. Глеба не позвали — его в завещании не было.

— «…принадлежащие мне обыкновенные акции акционерного общества "Сомов Зерно" в количестве три миллиона четыреста тысяч штук, что составляет тридцать четыре процента уставного капитала, завещаю моей дочери, Сомовой Вере Петровне…»

Эльвира смотрела в окно. Рустам — на свои часы.

— «…дом по адресу… с прилегающим участком — моей супруге, Сомовой Эльвире Рашидовне…»

Эльвира чуть заметно выдохнула.

— «…личный архив, рабочие тетради и дневники, хранящиеся в сейфе моего кабинета, — моей дочери, Сомовой Вере Петровне, с просьбой прочитать их не раньше, чем она примет решение о судьбе компании».

Вера подняла глаза.

— Это прямо так написано?

— Прямо так, — нотариус поверх очков посмотрела на неё. — И приписка от руки. Зачитать?

— Да.

— «Верка, не продавай сгоряча. Сначала посмотри на мельницу ночью. Папа».

В кабинете стало тихо. Фикус в углу шевельнул листом от сквозняка из форточки.

Рустам первым встал, застегнул пиджак.

— Ну что ж, — сказал он. — Ничего неожиданного. Вера, моё предложение в силе. Эльвира, я тебя подвезу.

Когда они вышли, нотариус сняла очки, протёрла их и сказала другим, человеческим голосом:

— Он ко мне приходил в январе. Переписывал. Раньше всё было на супругу и на фонд. Я спросила: «Пётр Алексеевич, вы уверены, дочь ведь не в бизнесе». А он засмеялся и говорит: «Как раз потому. Она одна там будет, кто не врёт».

Вера вышла на улицу. Небо расчистилось, и мокрый мартовский город вдруг стал ослепительным: лужи, золотые купола, капель с крыш. Она стояла на крыльце нотариальной конторы, сжимая в руке копию завещания, и ей было страшно — как в детстве, когда отец впервые поставил её на табуретку у огромной печи и сказал: «Сажай. Сама. Не бойся, она не кусается».

Телефон в кармане завибрировал. Номер незнакомый, московский.

— Вера Петровна? — сказал мужской голос, низкий, спокойный, без интонации вопроса. — Это Ланской. Примите мои соболезнования. Я думаю, нам нужно встретиться.

— Вы вчера могли сказать «соболезную» лично. Метр

стоял.

Пауза. Ей показалось — или он усмехнулся?

— Вчера было не время, — сказал он. — Сегодня — время. Я пришлю вам приглашение.

И положил трубку первым.

Глава 2. Шесть и четыре

Совет директоров «Сомов Зерна» собирался на седьмом этаже здания, которое отец купил в две тысячи двенадцатом у обанкротившегося страхового общества. Бизнес-центр на Первомайской, стекло и гранит, лифты с зеркалами. На первом этаже — флагманская пекарня «Сомов и хлеб», и в лифт поднимался запах корицы и горячей корки, так что все совещания на седьмом этаже, по словам Марины Олеговны, проходили «на голодный желудок и с повышенной агрессией».

— Это специально, — объяснила она Вере, когда они вдвоём ехали наверх за полчаса до заседания. — Пётр Алексеевич говорил: голодный директор быстрее соглашается, чтобы скорей пойти поесть.

— А сытый?

— Сытый начинает рассуждать. А рассуждающий директор — это убыток.

Марина Олеговна работала главным бухгалтером холдинга двадцать лет. Начинала, когда весь холдинг состоял из одного мелькомбината, двух элеваторов и пекарни на Красноперекопской, а бухгалтерия помещалась в комнате с одним компьютером и тремя калькуляторами «Электроника». Она была маленькая, круглая, в очках с толстыми стёклами и в неизменной кофте с брошкой-стрекозой. Вере она позвонила вечером после нотариуса сама.

— Вера Петровна, вы завтра на совет придёте?

— А меня пустят?

— Вас обязаны пустить. Вы акционер с блокирующим пакетом. Но я хочу, чтобы вы пришли не как акционер, а как человек, который понимает в цифрах. Можно я к вам приеду сегодня с ноутбуком?

Она приехала в половине десятого, в гостиницу «Ринг Премьер», где Вера поселилась, потому что в отцовский дом не могла заставить себя войти. Сидели до трёх ночи. Марина Олеговна раскладывала на гостиничной кровати распечатки, как пасьянс, и говорила тихо, ровно, словно читала сказку.

Сказка была страшная.

— Итак, — сказала Вера, когда они вышли из лифта, — ещё раз. Чтобы я не перепутала при людях.

— Выручка за прошлый год — сорок восемь миллиардов, — Марина Олеговна даже не заглядывала в бумаги. — Из них зерно, экспорт и внутренний рынок, — тридцать один. Мука — двенадцать. Пекарни — пять с хвостиком. EBITDA — шесть и одна десятая. Позапрошлый год был восемь и семь. Долг — тридцать девять миллиардов, из них синдицированный кредит «Волжского банка развития» и «Капитал-Траста» — тридцать два, остальное облигации и лизинг.

— Ковенанта — долг к EBITDA не выше пяти с половиной.

— А у нас шесть и четыре.

— Шесть и четыре, — повторила Вера. Цифра была круглая, удобная и смертельная. — Когда банки узнали?

— Официально — через неделю после закрытия года, когда мы отправили им управленческую отчётность. Неофициально — они знали ещё в ноябре. Пётр Алексеевич летал к ним, договаривался. Ему дали время до апреля. Обещал план.

— План был?

Марина Олеговна поправила очки.

— План был у него в голове, — сказала она. — А голова теперь на Леонтьевском кладбище.

В переговорной сидело одиннадцать человек. Длинный стол из светлого ясеня, графины с водой, на стене — огромная фотография Ярославского мелькомбината на рассвете: красный кирпич, белые силосы, Волга в розовом тумане. Отец любил эту фотографию. Говорил, что на ней комбинат похож на крепость.

Во главе стола, там, где должно было стоять пустое кресло председателя, сидел Рустам.

Вера остановилась в дверях. Рустам поднял на неё глаза и улыбнулся — тепло, по-отечески.

— Вера Петровна, проходите. Мы как раз начинаем. Коллеги, вы знаете — это дочь Петра Алексеевича. Она пока присутствует как наблюдатель, наследство ещё не оформлено. Но я считаю, что ей важно быть в курсе.

«Пока присутствует как наблюдатель». Вера посмотрела на свободное кресло в конце стола — у окна, рядом с юристом холдинга. Потом подошла к столу и села прямо напротив Рустама, на место, где лежали чьи-то бумаги. Хозяин бумаг — молодой финдиректор с бородкой, которого звали, кажется, Денис, — растерянно моргнул и переложил их на соседний стул.

— Спасибо, — сказала Вера. — Мне отсюда лучше видно экран.

Кто-то кашлянул. Эльвира — она тоже была здесь, в сером костюме, с идеальной укладкой, — чуть приподняла бровь. Не то с одобрением, не то с насмешкой.

Рустам продолжал улыбаться.

— Коллеги, — сказал он. — Ситуация вам известна. Пётр Алексеевич вёл переговоры с банками лично. Его уход — удар для нас, и банки это понимают. Вчера мне звонил Самохвалов из «Волжского». Они готовы дать нам waiver — временный отказ от требований по ковенанте — на девяносто дней. Но при условии, что за эти девяносто дней мы предоставим план либо по снижению долговой нагрузки, либо по привлечению стратегического инвестора.

— Девяносто дней — это до конца июня, — сказал кто-то.

— До двадцать восьмого июня, — уточнила Марина Олеговна.

— А если плана не будет?

Рустам развёл руками.

— Тогда банки имеют право потребовать досрочного погашения. Тридцать два миллиарда. Которых у нас нет. Залог — акции «Сомов Зерна», все сто процентов, и основные активы. Мелькомбинаты, элеваторы.

— И пекарни? — спросила Вера.

— Пекарни тоже, — сказал финдиректор Денис. — Они в составе группы.

Вера смотрела на экран, где висел слайд с графиком: две линии, одна вниз — EBITDA, другая вверх — долг. Они пересекались ровно в позапрошлом декабре, и после пересечения расходились, как ножницы.

— Можно вопрос? — сказала она.

— Конечно, Верочка.

— Вера Петровна, — поправила она. — Почему упала EBITDA? Неурожай — понятно. Пошлина — понятно. Но у вас на слайде выручка экспорта упала на двадцать два процента, а объём отгрузки — только на одиннадцать. Значит, цена реализации упала сильнее рынка. По моим данным, средняя экспортная цена пшеницы четвёртого класса в прошлом году снизилась на семь-восемь процентов. А у вас на четырнадцать. Где ещё шесть процентов?

В переговорной стало очень тихо. Даже кондиционер, кажется, затих.

Рустам перестал улыбаться — совсем ненадолго, на долю секунды. Потом снова улыбнулся.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Это дисконт за объ-

ём. Наш основной покупатель берёт большие партии, ему положена скидка. Плюс логистика, плюс фрахт в Новороссийске подорожал. Денис вам потом подробно распишет.

— А кто основной покупатель?

— Трейдер. Мы работаем через нескольких. Вера Петровна, я понимаю, вы аналитик, вам интересно копаться в цифрах. Но у нас сегодня другая повестка. Нам нужно решить, как мы выходим из ситуации.

— Хорошо, — сказала Вера. — Как мы выходим из ситуации?

Рустам выдержал паузу.

— У нас есть предложение, — сказал он. — От «Ланской Капитал».

По столу прошёл шорох. Финдиректор Денис уставился в ноутбук. Эльвира сжала губы.

— Арсений Викторович Ланской, — продолжал Рустам, — неофициально обозначил интерес. Восемнадцать миллиардов рублей в капитал через допэмиссию. На эти деньги мы гасим часть долга, ковенанта возвращается в норму. Взамен «Ланской Капитал» получает долю. Существенную.

— Какую? — спросила Вера.

— Обсуждается.

— Сколько стоит одна акция в этой допэмиссии?

— Обсуждается.

— Рустам Ильдарович, — Вера наклонилась вперёд. — Если он даёт восемнадцать миллиардов, а капитал компании,

по последней оценке, двадцать два, то после допэмиссии у него будет сорок пять процентов. Это без учёта того, что у него может быть ещё где-то. Сорок пять процентов — это фактически контроль, потому что остальные пакеты разбросаны. Вы это предлагаете обсуждать на совете за полчаса до обеда?

— Я пока ничего не предлагаю, — мягко сказал Рустам. — Я информирую.

— А вы сами? Вы за?

— Я — за то, чтобы компания выжила.

Вера откинулась на спинку стула.

— Неделю назад вы предложили мне девять миллиардов за мой пакет, — сказала она. — Сегодня вы информируете совет, что сюда может зайти Ланской. Это связанные события?

Тишина стала совсем мёртвой. Кто-то из директоров элеваторов уронил ручку, и она прокатилась по столу, как в плохом кино.

Рустам медленно положил ладони на стол.

— Вера Петровна, — сказал он, — я понимаю, что у вас горе. Я понимаю, что вы устали и не спали. Давайте не будем делать выводов, о которых потом пожалеем. Предлагаю на этом закончить. Следующее заседание — через две недели, к нему финансовая служба подготовит варианты.

Директора задвигали стульями с видимым облегчением. Вера сидела. Когда все вышли, в переговорной остались она,

Марина Олеговна и Эльвира.

Мачеха подошла к окну и посмотрела вниз, на Первомайский бульвар.

— Ты ему сейчас объявила войну, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты понимаешь?

— Я задала два вопроса.

— Здесь это одно и то же.

Эльвира обернулась. Вблизи она оказалась старше, чем выглядела на фото в светской хронике: морщинки у глаз, тонкие губы, которые она подкрашивала шире контура. Сорок четыре года, вспомнила Вера. На десять лет старше её. На двадцать лет моложе отца.

— Петя тоже задавал вопросы, — сказала Эльвира. — Последние полгода. Ночами сидел в кабинете. Я спрашиваю, что такое, а он: «Ничего, Эля, считаю». Ничего он не считал. Он ждал.

— Чего?

Эльвира пожала плечами.

— Если бы я знала, я бы тебе сказала, — сказала она. — Ну, или не сказала бы. Ещё не решила, на чьей я стороне.

Она взяла сумочку и вышла, оставив после себя запах тяжёлых духов — что-то с ирисом и пудрой.

Марина Олеговна наконец сняла очки и потёрла переносицу.

— Шесть процентов, — сказала она. — Вы их сразу увидели.

— А вы?

— Я их вижу три года, — бухгалтер посмотрела на Веру без очков, и глаза у неё оказались маленькие, голубые и очень усталые. — Только мне никто не задавал вопросов. А сама я спрашивать не обучена. Я закрываю квартал.

В гостиницу Вера вернулась к семи. Позвонила в Москву, своей начальнице — Ольге Валентиновне, управляющему директору департамента рисков.

— Вера, соболезную, — сказала та тоном, каким говорят «перезвоню». — Когда выходишь? У нас аудит по портфелю металлургов, без тебя Козлов там наломает.

— Ольга Валентиновна, мне нужен отпуск. За свой счёт. Месяца на три.

Пауза.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Вера, у тебя в июле повышение. Я тебя пробивала полгода. Если ты сейчас уходишь на три месяца, тебе повышение никто не сохранит. Что там у тебя? Наследство? Найми юристов, продай, приезжай. Ты аналитик, а не… — она запнулась, подбирая слово, — не мельник.

— Я подам заявление завтра, — сказала Вера.

— Подумай до понедельника.

Она положила трубку и долго сидела на краю кровати, глядя в чёрное окно. В номере пахло гостиничным мылом и пы-

лью от батареи. Где-то за стеной смотрели футбол.

Она открыла ноутбук и сделала то, что умела лучше всего: таблицу. Слева — что известно. Справа — что неизвестно. Внизу — что из этого может её убить.

Известно: долг тридцать девять, EBITDA шесть и одна, ковенанта нарушена, девяносто дней. Экспорт продаётся дешевле рынка на шесть процентов. Рустам хочет её пакет и переплачивает за него. Ланской хочет компанию.

Неизвестно: кому продаётся экспорт. Почему Рустам переплачивает. Что Ланскому на самом деле нужно. Чего ждал отец.

Внизу она написала одно слово: «Время».

Телефон пискнул. Сообщение с того же московского номера, что звонил у нотариуса. Без приветствия.

«Пятница, 20:00. "Белуга" на Патриарших, второй этаж. Если вам неудобно, назовите своё время. Ланской».

Вера смотрела на экран минуту. Потом напечатала:

«Удобно. Но десерт закажу сама».

Ответ пришёл через тридцать секунд:

«Договорились. Давайте сверим ожидания: десерта может и не быть».

Она фыркнула, неожиданно для себя, вслух, в пустом гостиничном номере. Потом отложила телефон, вернулась к таблице и в графе «неизвестно» дописала: «Есть ли у него чувство юмора».

И подумала, что за последние шесть дней это была первая

строчка, которая её не пугала.

Ночью ей приснился отец. Он стоял у печи на Красноперекопской — не седой, а молодой, тридцатилетний, в майке, с мукой на плечах — и держал в руках банку с закваской.

— Видишь, Верка, — говорил он, — она живая. Её кормить надо каждый день. Забудешь на неделю — скиснет. Забудешь на месяц — умрёт. Компания — то же самое.

— А если её уже кто-то другой кормит? — спросила во сне Вера.

Отец посмотрел на неё внимательно и печально.

— Тогда она уже не твоя, — сказал он. — Тогда она его.

Она проснулась в пять утра и больше не смогла уснуть. Оделась, вышла из гостиницы, взяла такси и поехала на набережную — туда, где за рекой, на Которосли, темнел кирпичный силуэт мелькомбината и горели окна ночной смены.

Посмотреть на мельницу ночью. Как он просил.

Но до мельницы она тогда так и не доехала. На полпути попросила таксиста развернуться, потому что вдруг поняла, что не готова. Пока — нет.

Глава 3. Ужин без десерта

В Москве Вера первым делом поехала домой — переодеться, и это оказалось ошибкой. Однушка на Соколе, тридцать восемь метров, ипотека на двадцать лет, из которых выплачено шесть, встретила её запахом засохшей герани и тишиной. На кухне стояла немытая чашка, которую она оставила утром перед звонком Марины Олеговны: «Вера Петровна, ваш отец… Я не знаю, как сказать».

Чашку Вера помыла. Потом открыла шкаф и долго смотрела на вешалки.

Деловой костюм — нет. Он будет думать, что она пришла на переговоры. Она пришла на переговоры, но не обязана сообщать об этом гардеробом. Платье, в котором была на корпоративе, — нет, слишком нарядное, будто на свидание. Джинсы — вызов, а вызов значит, что она нервничает.

— Господи, — сказала Вера вслух шкафу. — Мне тридцать четыре года, я оцениваю кредитные риски металлургических холдингов, а стою и выбираю платье, как перед выпускным.

В итоге надела чёрные брюки, чёрную шёлковую блузку и мамины серьги — маленькие, с гранатом. Посмотрела в зеркало. Похоронно, но собранно. Сойдёт.

Позвонила Лёше.

— Ты где? — спросил он, жуя. Лёша всегда жевал, когда

звонили. Вера подозревала, что он специально держит у компьютера пачку сушек, чтобы не терять время.

— В Москве. Еду ужинать с Ланским.

Жевание прекратилось.

— С каким Ланским?

— С тем самым.

— Вер. Ты понимаешь, что у него на «Форбсе» два и три миллиарда? Долларов? Ты понимаешь, что про него рассказывают, будто он в девяностые… ладно, в нулевые, в девяностые ему было десять… будто он в нулевые сожрал половину зернового трейдинга юга России?

— Понимаю.

— И что ты ему скажешь?

— Не знаю. Послушаю, что скажет он.

Лёша помолчал. Потом очень серьёзно спросил:

— Тебе подстраховку надо? Я могу посидеть в соседнем кафе. В кепке.

— Лёш, это «Белуга» на Патриарших. Там в соседнем кафе чай стоит девятьсот рублей.

— Я возьму воду.

— Вода там шестьсот.

— Тогда я посижу в машине. У мамы возьму.

Вера рассмеялась — второй раз за неделю.

— Сиди дома, — сказала она. — Гладь Бухгалтера. Я тебе потом позвоню. И, Лёш, — ты мне можешь найти всё, что есть в открытом доступе про «Ланской Капитал»? Структу-

ра, дочки, офшоры, кого купили за последние пять лет. Всё.

— Это я могу, — голос Лёши мгновенно стал деловым. — Это я люблю. Тебе к утру?

— Мне к вчера.

— Значит, к утру.

«Белуга» оказалась не рестораном, а целым этажом старого особняка с окнами на пруд. Метрдотель — молодой человек с лицом семинариста — посмотрел на Веру так, будто уже знал, кто она, и молча повёл наверх по скрипучей лестнице.

Второй этаж был пуст. Совершенно. Двенадцать столов с белыми скатертями, хрусталь, свечи — и ни одного человека, кроме мужчины у окна.

Он встал, когда она вошла.

Вблизи Ланской оказался не таким высоким, как на кладбище, — сантиметров на десять выше неё, не больше. Тёмный свитер, тонкий, кашемировый, без всяких логотипов. Ни часов, ни колец. Тёмные волосы коротко острижены, на висках — едва заметная седина, которая ему шла так же, как Рустаму шла бородка: продуманно, будто её согласовали со стилистом. Только глаза были те же. Светлые, холодные, внимательные.

— Вы сняли весь этаж, — сказала Вера вместо приветствия.

— Я купил весь ресторан, — сказал он. — Четыре года на-

зад. Здесь хорошо готовят судака. Садитесь, Вера Петровна.

Он отодвинул ей стул — не галантно, а как-то деловито, как пододвигают папку с документами. Сел напротив.

— Вы купили ресторан, чтобы есть судака?

— Я купил ресторан, потому что прошлый владелец задолжал моему банку и не смог отдать. Судак прилагался.

— Удобно.

— Обычно — нет. Обычно рестораны — это убыток. Этот исключение. Тридцать один процент EBITDA. Шеф — гений и почти не пьёт.

Официант принёс меню. Вера открыла его — и закрыла. Цен не было.

— Вы заказали заранее? — спросила она.

— Нет. Цены не указаны в меню на этом этаже. Это не понты, это… — он едва заметно поморщился, — наследство прошлого владельца. Я всё собираюсь поменять и забываю. Если хотите, принесут другое меню.

— Не надо. Я буду судака. Раз уж он прилагался.

— Два судака, — сказал Ланской официанту. — Мне без масла. Вино?

— Я не пью на переговорах.

— Я не пью вообще. Тогда воду. И, — он посмотрел на Веру, — лимонад из ревеня, здесь его делают сами. Вам понравится.

— Вы знаете, что мне понравится?

— Я знаю, что вы с детства любите ревень. Ваш отец рас-

сказывал, что вы съедали его сырым с грядки в Курбе, и вас потом тошнило. Два раза.

Вера замерла.

— Отец вам рассказывал?

— Давно, — сказал Ланской. — Очень давно.

Он не стал продолжать, а она не стала спрашивать. Официант ушёл. Свечи на соседних столах мерцали, отражаясь в чёрной воде пруда за окном.

— Давайте сверим ожидания, — сказал Ланской.

— Давайте.

— Вы ждёте, что я сделаю вам предложение, которое вы не сможете принять. Вы пришли, чтобы его услышать, отказаться и понять, насколько я опасен. Я жду, что вы откажетесь. Я пришёл, чтобы вы поняли, что у вас нет альтернативы, — не сегодня, но через месяц. И чтобы, когда через месяц вы это поймёте, вы позвонили мне, а не Рустаму.

Вера помолчала.

— Неплохо, — признала она.

— Спасибо.

— Только вы ошиблись в одном. Я не жду предложения, которое не смогу принять. Я жду предложения, которое смогу посчитать.

— Это лучше, — сказал он и, кажется, впервые за вечер по-настоящему посмотрел на неё. — Тогда считайте.

Он не достал ни папки, ни планшета. Просто положил руки на скатерть — красивые руки, длинные пальцы, ни одного

кольца — и заговорил ровно, как диктуют условия кредитного договора.

— Восемнадцать миллиардов рублей через допэмиссию. Цена размещения — по оценке капитала в двадцать два миллиарда без премии. Итого после сделки — сорок пять процентов у «Ланской Капитал». Двенадцать миллиардов идут на досрочное погашение синдиката, шесть — на оборотку и капзатраты. Долг падает до двадцати семи, долг к EBITDA — четыре и четыре. Банки счастливы. Ковенанта восстановлена. Ваш пакет размывается с тридцати четырёх до восемнадцати и семи. Пакет Гарифуллина — с двадцати шести до четырнадцати и трёх. Эльвира Рашидовна — с пятнадцати до восьми с небольшим. Совет директоров — семь мест, четыре мои.

— Это контроль.

— Это контроль.

— А пекарни?

— Пекарни продаём, — спокойно сказал он. — В первые полгода. Это непрофильный актив, маржа низкая, капзатраты высокие. Сто сорок точек — это хорошая цена для любого ритейлера. Миллиарда три.

Вера смотрела на него. Вспомнила каравай на поминках — тёмный, с косой. «На его закваске. С девяносто четвёртого».

— Нет, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы предлагаете мне продать компанию отца по цене бедствия, а потом распилить её. Двадцать два миллиарда капитала — это оценка при нынешней EBITDA, которая на дне цикла. Через два года, при нормальном урожае, EBITDA вернётся к восьми–девяти, и компания будет стоить в полтора раза больше. Вы покупаете дно. Это красиво, но мне не нужно.

— Через два года, — повторил Ланской, — компании не будет. Через девяносто дней банки потребуют тридцать два миллиарда. У вас нет инвестора. У вас есть Гарифуллин, который предложил вам девять миллиардов за пакет, потому что знает, что через три месяца вы получите за него ноль. И у вас есть я.

— Откуда вы знаете про девять миллиардов?

Он чуть пожал плечами.

— Вера Петровна, в Ярославле нет секретов. Есть только информация, которая ещё не дошла.

Принесли судака. Он был идеальный: корочка золотая, мясо белое, слоистое, на тарелке — молодая спаржа и что-то бледно-зелёное, похожее на пюре из горошка. Вера попробовала и разозлилась ещё больше — было очень вкусно.

Лимонад из ревеня оказался кисло-сладким, розовым, ледяным. Точно как в детстве.

Она отложила вилку.

— Почему вам нужна именно наша компания? — спросила она. — У вас есть порты в Новороссийске и Тамани,

есть свои элеваторы на юге, есть трейдинг. Наши активы — в средней полосе. Это не самая логичная покупка.

— Логичная. Мне нужна мука. У меня есть зерно на юге и порты, но нет переработки рядом с Москвой. Три ваших комбината — это двадцать процентов муки, которую потребляет Московский регион. Это вертикаль. Поле, элеватор, мельница, порт — или прилавок.

— Тогда зачем продавать пекарни? Вот же прилавок.

На мгновение он замолчал. Вера увидела, что попала — куда-то, не совсем туда, куда целилась.

— Пекарни — это не бизнес, — сказал он. — Это сентиментальность вашего отца.

— Вы знали моего отца сентиментальным?

— Я знал вашего отца разным, — сказал Ланской, и голос у него стал ниже и суше, как будто кто-то закрыл форточку. — Мы закончили с цифрами?

— Нет. Вы не ответили. Почему именно наша компания?

Он посмотрел на неё долго. Свечное пламя отражалось в его глазах двумя маленькими точками.

— Потому что я могу, — сказал он наконец. — Это честный ответ. Мне жаль, что он вам не нравится.

Ели молча. Это было неожиданно приятное молчание, почти уютное, — как у людей, которые не обязаны развлекать друг друга. Внизу, на первом этаже, кто-то смеялся, звенели бокалы, играла тихая музыка — что-то джазовое, саксофон.

Здесь было слышно только, как трещит свеча.

— Вы правда не пьёте? — спросила Вера.

— Правда.

— Совсем?

— С двадцати трёх лет.

— Почему?

— Потому что в двадцать три года я выпил достаточно, чтобы хватило на всю жизнь.

— Звучит как история.

— Это и есть история, — сказал он. — Но не для первого ужина.

— А для какого?

Он поднял на неё глаза, и ей вдруг стало жарко — то ли от свечей, то ли от того, как он посмотрел. Не на лицо — в лицо. Как смотрят на документ, где мелким шрифтом написано главное.

— Для того, после которого вы останетесь на десерт, — сказал он.

Вера почувствовала, что краснеет, и разозлилась ещё сильнее.

— Не останусь, — сказала она.

— Я знаю. Я же предупреждал: десерта может и не быть.

Она встала. Он встал тоже — сразу, без суеты.

— Спасибо за судака, Арсений Викторович. Моё решение — нет.

— Я его принял к сведению, — кивнул он. — Предложе-

ние остаётся в силе до двадцатого июня. Потом цена изменится.

— В какую сторону?

— В мою.

— Угроза?

— Прогноз, — сказал он. — Вы же аналитик рисков. Вы понимаете разницу.

Он проводил её до лестницы и дальше не пошёл. Вера спускалась, держась за перила и чувствуя спиной его взгляд, хотя, когда на середине пролёта она обернулась, на площадке уже никого не было.

Лифта в особняке не было — был старый, крошечный, на двух человек, который вёл из гардероба в подземный паркинг. Вера, не подумав, вошла в него, потому что такси ждало у заднего выхода. Двери закрылись. Кабина дёрнулась и поехала медленно, с гудением, как в старых фильмах.

И в этой медленной кабине, в зеркале с латунной рамой, она увидела себя: раскрасневшаяся, с блестящими глазами, мамины серьги покачиваются. Не женщина, которая только что отказала рейдеру. Женщина, которая только что ушла со свидания, где ей было интересно.

«Нет, — сказала себе Вера. — Нет-нет-нет».

Он ей нравился. Это было глупо, непрофессионально и опасно, как кредит в валюте под залог рублёвых активов. Он сидел напротив и спокойно рассказывал, как отнимет у неё

отцовскую компанию и продаст пекарни, где пекут хлеб на закваске девяносто четвёртого года. А она смотрела на его руки.

«Он этого и добивался», — подумала она. И тут же: «Нет. Ему было всё равно. Он даже не старался».

От этого было ещё обиднее.

Лифт остановился. Двери открылись в полутёмный паркинг. Таксист — пожилой армянин с иконкой на торпеде — посмотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Плохой вечер? — сочувственно спросил он.

— Хороший судак, — сказала Вера. — Сокол, пожалуйста.

Телефон завибрировал, когда они выезжали на Садовое. Лёша.

«Нашёл кое-что интересное. Не по телефону. Ты завтра свободна?»

Она напечатала: «Да». Потом подумала и добавила: «Лёш, а ты знаешь, что такое лимонад из ревеня?»

«Это пароль?»

«Нет. Просто вкусно».

«Вер. Ты в порядке?»

Она посмотрела в окно — на огни Садового, на мокрые после дождя крыши, на рекламный экран, где улыбалась девушка с йогуртом.

«Нет, — написала она. — Но буду».

Дома, раздеваясь, она сняла серьги и положила их на тум-

бочку. Потом взяла телефон и, не давая себе передумать, открыла переписку с Ланским.

«Судак был отличный. Решение не меняется».

Ответ пришёл через минуту, как будто он сидел с телефоном в руке.

«Я и не ждал. Спокойной ночи, Вера Петровна. Посмотрите на мельницу ночью».

Она уставилась на экран.

Это были слова отца. Слова из завещания. Их слышали в кабинете у нотариуса три человека, не считая её самой.

Вера легла и до рассвета смотрела в потолок, пытаясь понять, кто из трёх рассказал — и, что было хуже, почему ей это не так страшно, как должно было быть.

Глава 4. Мельница

Лёша Тимохин был человеком, который никогда не опаздывал и никогда не приходил вовремя. Он приходил на пятнадцать минут раньше и потом извинялся, что «вломился». В этот раз он вломился в Верину однушку в восемь утра субботы с ноутбуком, пакетом сушек и котом Бухгалтером в переноске.

— Зачем ты его притащил? — спросила Вера, открывая дверь в халате.

— Он без меня тоскует. И потом, он приносит удачу. У меня с ним ни одна база данных не падала.

Бухгалтер, рыжий, толстый, с выражением морды налогового инспектора, вылез из переноски, обошёл кухню, понюхал засохшую герань и сел на подоконник, демонстративно повернувшись к людям спиной.

— Он считает, — объяснил Лёша.

— Что?

— Убытки от переезда.

Они дружили с пятого класса. Лёша тогда был маленький, толстый и носил очки на резинке, и его били все, кому не лень. Вера однажды стукнула одного из обидчиков портфелем — в портфеле лежал учебник алгебры Мордковича, тяжёлый, как кирпич. С тех пор Лёша считал, что обязан ей жизнью, а она — что он лучший человек на свете. Оба были

немного правы.

Сейчас Лёша был большой, толстый, бородатый, работал на фрилансе с европейскими заказчиками — строил системы аналитики данных для логистических компаний — и жил с мамой в Ярославле, в трёхкомнатной квартире на Чайковского. В Москву он приезжал «проветриться» раз в месяц и ночевал у Веры на раскладушке.

— Рассказывай, — сказала Вера, ставя чайник.

Лёша открыл ноутбук.

— Значит, так. «Ланской Капитал» — это зонтик. Под ним — четыре больших направления: порты, логистика, агро и финансы. В агро — «Южная Нива», двести тысяч гектаров на Кубани и в Ставрополье, плюс трейдинг «Ланской Грейн». Порты — терминал в Тамани, доля в Новороссийске. Финансы — банк «Северный кредит», небольшой, но злой. Всё прозрачно, отчётность нормальная, аудитор — из большой тройки, ну, бывшей большой четвёрки.

— Это я и так знаю.

— А вот теперь интересное, — Лёша откусил сушку. — У «Сомов Зерна» в реестре акционеров есть «Нордлэнд Холдингс Лимитед», Кипр. Девять процентов. Ты в курсе?

— Миноритарий. Отец продал им пакет в две тысячи девятнадцатом, когда строили Россошанский элеватор. Им нужно было срочно денег.

— Угу. А теперь посмотри, — Лёша развернул ноутбук. На экране была какая-то схема: квадратики, стрелочки,

кипрские и британские названия. — «Нордлэнд» на семьдесят процентов принадлежит «Аквилон Трасту» на Британских Виргинских. «Аквилон» управляется трастовой компанией в Лимасоле. В той же трастовой компании директором числится некая Дина Ройтман. А Дина Ройтман — это главный юрист «Ланской Капитал». И, — Лёша сделал многозначительную паузу, — по слухам, его бывшая.

Вера опустилась на табуретку.

— Это не доказательство.

— Это не доказательство, — согласился Лёша. — Это совпадение. Очень, очень специфическое совпадение. В суде оно ничего не стоит. Но если ты спрашиваешь меня, кто сидит за «Нордлэндом», — я поставлю Бухгалтера на то, что это Ланской.

Кот на подоконнике обернулся и посмотрел на Лёшу с осуждением.

— Девять процентов, — сказала Вера медленно. — Плюс сорок пять от допэмиссии… Нет, подожди. Если у него уже девять, то после допэмиссии он размывается вместе со всеми, у него будет пять. Плюс сорок пять. Пятьдесят. Пятьдесят процентов, Лёш.

— А если ему продаст кто-то ещё?

— Тогда больше пятидесяти.

Они помолчали. Чайник закипел и выключился.

— Он сказал мне вчера, — проговорила Вера, — что знает, что Рустам предложил девять миллиардов. И процитиро-

вал завещание. Слово в слово.

— Какое завещание?

— Приписку отца. «Посмотри на мельницу ночью». Её слышали нотариус, я, Эльвира и Рустам.

— Нотариус не скажет, — сказал Лёша. — Ей за это лицензии лишат.

— Значит, Эльвира или Рустам.

— Или кто-то из них сказал кому-то, кто сказал ему.

— Лёш, — Вера подняла на него глаза. — Мне нужно в Ярославль. Сегодня.

Ярославский мелькомбинат стоял на правом берегу Которосли, у самого её впадения в Волгу. Его построили в тридцатые, при Сталине, на месте разрушенной купеческой мельницы, и он с тех пор так и выглядел — помесью собора и тюрьмы: красный кирпич, высокие узкие окна, железная крыша, а над ней — бетонные силосы элеватора, белые, гладкие, каждый высотой с девятиэтажку. Отец купил его в девяносто девятом за долги у обанкротившегося госпредприятия. Тогда здесь не работало ничего, кроме сторожа и трёх кошек.

Сейчас комбинат перемалывал тысячу двести тонн зерна в сутки.

Вера приехала в половине двенадцатого ночи. Глеб ждал её у проходной, в пуховике и шапке, засунув руки в карманы.

— Я ему говорил, что ты не поедешь, — сказал он вместо

приветствия.

— Кому?

— Отцу твоему. Он мне в январе сказал, что, если с ним что-то случится, ты приедешь на мельницу ночью. Я сказал: не приедет. Он засмеялся.

— Ты знал про завещание?

— Нет. Он просто сказал, что ты приедешь. — Глеб пожал плечами. — Пойдём. Сторож предупреждён.

Охранник на проходной, пожилой мужчина в форме, посмотрел на Веру и вдруг встал, сняв фуражку.

— Вера Петровна, — сказал он. — Я вас вот такой помню. Вы тут на тележке для мешков катались. Пётр Алексеич вас возил.

— Здравствуйте, — растерянно сказала Вера.

— Примите. Хороший был мужик. Строгий, но хороший. Зарплату ни разу не задержал. Даже в девятом году, когда все задерживали.

Они прошли через двор. Было холодно, пахло рекой и чем-то тёплым, сладковатым — зерном. Над крышей поднимался пар из вытяжек. Где-то внутри гудело — ровно, глубоко, как гудит большой корабль.

— Это вальцы, — сказал Глеб. — Шесть линий. Сейчас работают четыре.

— Почему четыре?

— Потому что зерна нет. Ну, то есть оно есть, но мало. Неурожай. И потом, Рустам часть объёмов увёл на экспорт,

мельницам не досталось. Мы весь февраль на трёх линиях сидели.

— Экспорт выгоднее муки?

— По бумагам — да. По жизни — не знаю. Я хлебопёк, а не финансист.

Они поднялись по железной лестнице на третий этаж — в вальцовый цех. Вера открыла дверь — и остановилась.

Это было огромное пространство, метров сто в длину, освещённое жёлтыми лампами. Ряды вальцовых станков — массивных, кремовых, похожих на старинные сейфы, — тянулись вдаль, к окнам, за которыми чернела река. Каждый гудел, вибрировал, и пол под ногами мелко дрожал. В воздухе висела мучная пыль — тончайшая, золотистая в свете ламп, — и Вера вдруг поняла, откуда отцовская фраза про собор. Свет падал косо, пыль клубилась, а гул был похож на орган.

Между станками ходили люди — человек десять, в белых халатах и масках. Одна женщина, совсем молодая, проверяла что-то на пульте. Мужчина в годах, с седыми усами, стучал ключом по трубе и прислушивался.

— Ночная смена, — сказал Глеб. — Двенадцать человек. Днём — сорок. Всего на комбинате четыреста двадцать. В городе — ещё тысяча на элеваторе, в логистике, в пекарнях. Если считать семьи — тысяч пять, которые от этой мельницы едят.

Вера стояла на пороге, и мучная пыль оседала на её паль-

то.

— Он поэтому хотел, чтобы я ночью пришла? — спросила она тихо. — Чтобы увидела людей?

— Нет, — сказал Глеб. — Людей и днём видно. Пойдём.

Он провёл её через цех — люди здоровались, кто-то кивал, кто-то снимал маску и говорил «соболезную», — к узкой двери в дальнем конце. За ней была лестница наверх, совсем крутая, с железными ступенями, а наверху — люк. Глеб откинул его, и они вылезли на крышу.

Ветер ударил в лицо — холодный, мокрый, речной. Под ними лежал Ярославль. Набережная с фонарями. Купола Спасо-Преображенского монастыря, подсвеченные снизу, белые на чёрном. Мост через Волгу — цепочка огней. А прямо внизу — стрелка, место, где Которосль впадает в Волгу, где маленькая тёмная река вливается в большую.

— Он сюда поднимался, — сказал Глеб. — Каждую неделю. Ночью. Садился вон на тот выступ и курил.

— Он бросил курить в две тысячи пятнадцатом.

— Здесь курил. Говорил, это не считается, это производственная необходимость.

Вера подошла к краю. Перила были низкие, ржавые, и она вцепилась в них обеими руками.

— Что он здесь делал?

— Считал, — сказал Глеб. — Он мне так сказал. «Глеб, я тут считаю, сколько я людям должен». Я спросил: денег? Он сказал: нет, не денег.

Вера молчала. Ветер выдувал слёзы из глаз, и она не понимала, ветер это или нет.

— Вер, — Глеб встал рядом. Близко. От него пахло дрожжами, морозом и чем-то знакомым до боли, до мурашек — тем запахом, который был в их квартире на Васильевском четыре года назад. — Ты собираешься продавать?

— Не знаю.

— Ланской продаст пекарни.

— Знаю. Он сказал.

— Тогда ты знаешь, что будет. Он оставит комбинаты, потому что ему нужна мука. Элеваторы оставит. А сто сорок булочных уйдут какой-нибудь сети, которая через год переведёт их на замороженное тесто из Подмосковья. Тамару уволят. Краснoперекопскую закроют — там аренда дорогая, а выручки немного. Закваску вылью в раковину.

— Глеб…

— Я не к тому, чтобы на тебя давить. Я к тому… — он запнулся. — Я просто хочу, чтобы ты понимала.

Она повернулась к нему. Он стоял очень близко, и в свете фонарей с набережной она видела его лицо — тёплое, усталое, с мучной пылью на бровях. Лицо человека, которого она когда-то любила так, что не могла дышать, а потом перестала — не сразу, постепенно, как перестаёт идти дождь.

— Ты на меня злишься, — сказала она. — До сих пор.

— Нет.

— Злишься. Я ушла.

— Ты ушла, потому что я не мог выбрать между тобой и печкой. — Он грустно усмехнулся. — Ты была права. Я бы и сейчас не смог.

Он поднял руку и стёр с её щеки — то ли муку, то ли слезу. Пальцы были шершавые, горячие. Вера не отстранилась. Его лицо оказалось совсем рядом, и на секунду ей показалось, что сейчас — сейчас он её поцелует, и всё станет простым, понятным, как раньше, когда им было по двадцать пять и они жили на хлебе и любви в съёмной комнате с видом на Неву.

Он не поцеловал. Убрал руку.

— Пойдём, — сказал он. — Покажу тебе ещё одну вещь. Последнюю.

Пекарня на Краснoперекопской помещалась в полуподвале старого купеческого дома, напротив трамвайного депо. Над дверью висела деревянная вывеска — потемневшая, с облупленной краской: «Сомов и хлеб. С 1994». Окна светились тёплым жёлтым светом. Было два часа ночи, и из открытой форточки вырывался пар.

Внутри было жарко, как в бане. Печь — огромная, кирпичная, старая, с чугунными дверцами — занимала полстены. У длинного деревянного стола, обсыпанного мукой, стояла Тамара Ильинична в белом колпаке и месила тесто руками. Рядом двое молодых пекарей — парень и девушка — формовали буханки.

Тамара подняла глаза.

— Пришла-таки, — сказала она. — Глеб, ты её до мельницы довёз или она сама?

— Сама, — сказал Глеб.

— Ну надо же.

Она вытерла руки о фартук, подошла к полке и сняла оттуда стеклянную банку — трёхлитровую, с притёртой крышкой. Внутри было что-то серо-бежевое, пузырчатое, живое.

— Вот, — сказала Тамара. — Его закваска. С девяносто четвёртого года. Тридцать два года. Пётр её на ржаной муке своего первого помола завёл, когда ещё никакой мельницы не было, а была одна печка вот эта, в аренду, за сто долларов в месяц. Он её кормил каждый день. Даже когда в больнице лежал с пневмонией в одиннадцатом — я ему фото носила, он проверял, правильно ли кормлю.

Она протянула банку Вере.

— Подержи.

Вера взяла. Банка была тёплой — живой, как маленький зверёк. Внутри медленно поднимался пузырь, лопался, и через стекло доносился кисловатый запах — ржаной, хлебный, домашний. Запах детства, кухни на Краснoперекопской, маминых рук, отцовского смеха.

— Он её с собой в больницу последний раз не взял, — сказала Тамара тихо. — Мне оставил. Сказал: «Тома, если что — отдай Верке. Она поймёт».

Вера стояла с банкой в руках, посреди жаркой ночной пекарни, и плакала. Впервые с того утра, когда позвонила Ма-

рина Олеговна. Слёзы текли сами, не останавливаясь, капали на стекло, а она даже не могла их вытереть, потому что руки были заняты.

Тамара забрала у неё банку и поставила обратно на полку. Потом обняла — крепко, по-медвежьи, прижав к белому фартуку, пахнущему тестом.

— Ну-ну, — сказала она. — Ну-ну. Дура ты. Ну, поплачь. Он бы тоже поплакал. Он, знаешь, какой был плакса? Над «Белым Бимом» каждый раз ревел.

Вера засмеялась сквозь слёзы — всхлипом, некрасиво.

Глеб стоял у двери и смотрел в сторону.

Утром она позвонила Ольге Валентиновне в Москву.

— Я увольняюсь, — сказала она.

— Вера, ты с ума сошла?

— Наверное.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты аналитик. Тебе тридцать четыре. Через год ты была бы директором департамента. Ты бросаешь карьеру ради… ради мельницы?

— Ради мельницы, — согласилась Вера. — И ещё ради банки с закваской.

— Ради чего?

— Неважно. Заявление пришлю электронно. Спасибо вам за всё, Ольга Валентиновна. Правда.

Она положила трубку. Потом открыла переписку с Ланским и долго смотрела на последнее сообщение: «Посмотри-

те на мельницу ночью».

«Посмотрела, — напечатала она. — Не продаётся».

Ответа не было весь день. Он пришёл вечером, в одиннадцать, когда она уже засыпала в отцовском кабинете, на старом кожаном диване, впервые решившись войти в дом.

«Тогда у вас восемьдесят два дня. Удачи, Вера Петровна. Я серьёзно».

И почему-то она ему поверила.

Глава 5. Девяносто дней

Первым инвестором, к которому поехала Вера, был китаец.

Точнее, не китаец, а представитель китайской госкомпании «Синограин Интернешнл» в Москве — Михаил Чжан, родившийся в Хабаровске, окончивший МГИМО и говоривший по-русски лучше, чем половина Вериного бывшего департамента. Встретились в офисе на Пресне, в переговорной с видом на Москву-реку. Чжан был вежлив, улыбчив и внимательно пролистал презентацию, которую Вера с Мариной Олеговной и финдиректором Денисом собирали три ночи подряд.

Презентация была хорошая. Вера знала это профессионально: она видела сотни инвестиционных меморандумов и понимала, где врут, где приукрашивают, а где просто не умеют считать. Здесь не врали. «Сомов Зерно» — три мелькомбината общей мощностью две тысячи девятьсот тонн в сутки, одиннадцать элеваторов на миллион двести тысяч тонн единовременного хранения, железнодорожные подъездные пути, сто сорок пекарен, налаженный экспорт через Новороссийск. Слабое место — долг и один плохой год. Сильное — всё остальное.

— Очень интересно, — сказал Чжан. — Очень. Наши коллеги в Пекине ищут именно такие активы — переработка,

вертикаль. Сколько вам нужно?

— Двенадцать–пятнадцать миллиардов. За миноритарный пакет, до двадцати пяти процентов. Плюс долгосрочный контракт на поставку муки и зерна в Китай по рыночной цене.

— Это реально. Это очень реально. Я отправлю наверх. Дайте мне две недели.

Через неделю он позвонил сам. Голос у него был всё такой же вежливый, но в нём появилось что-то новое — осторожность, как у человека, который идёт по тонкому льду.

— Вера Петровна, мне очень жаль. Наверху решили, что сейчас не время для крупных вложений в российский агросектор.

— Михаил, вы мне неделю назад сказали, что ищете именно такие активы.

— Да. Я сказал. Ситуация изменилась.

— Что изменилось за неделю?

Пауза.

— Я не могу вам сказать, — произнёс Чжан. — Но если позволите совет, не официально… Вам стоит выяснить, у кого вы на пути стоите.

Второй была госкорпорация.

Её представитель — заместитель гендиректора по стратегии, грузный мужчина по фамилии Брыкин, с депутатским значком на лацкане и манерами председателя колхоза-мил-

лионера, — принял Веру в здании на Тверской, в кабинете с портретом президента и дубовыми панелями.

— Знал я вашего отца, — сказал Брыкин, наливая ей чай из самовара — настоящего, электрического, но расписного. — Мужик был. Упрямый, правда. Мы ему в семнадцатом году предлагали войти в наш зерновой контур, он отказался. Сказал: «Я в контуры не вхожу, я сам себе контур».

— Это похоже на него.

— Похоже, — Брыкин хохотнул. — Ну, а теперь вот… контур-то просел. Денежек надо?

— Надо.

— Сколько?

— Двенадцать–пятнадцать миллиардов.

Брыкин задумчиво погладил живот.

— Это решаемо, — сказал он. — Но вы ж понимаете, мы — государство. У нас своя логика. Нам миноритарные пакеты неинтересны. Нам интересен контроль. Или блокирующий хотя бы. И управление — наше. Директора наши, стратегия наша.

— А пекарни?

— Пекарни? — Брыкин искренне удивился. — Пекарни нам не нужны. Это ж мелочь. Продадите кому-нибудь.

Вера поставила чашку.

— Спасибо, — сказала она.

— Вы подумайте, — Брыкин проводил её до двери, по-отечески положив руку на плечо. — Мы ведь быстро можем.

За месяц. Но только… — он понизил голос, — только если там никого другого нет. А то мне шепнули, что там уже кто-то есть.

— Кто шепнул?

Брыкин поднял ладони.

— Вера Петровна, у меня работа такая — слушать. А кто говорит — дело десятое.

Третьим был арабский фонд.

Вера летала в Дубай на два дня, за свой счёт — точнее, за счёт кредитки, потому что её последняя зарплата пришла с вычетом за неотработанный отпуск, а отцовские деньги на счетах были заморожены до вступления в наследство. Билет эконом-классом, отель в Дейре, в районе старого города, где номер стоил сто двадцать долларов и пахло специями из соседней лавки. Встреча — в небоскрёбе на Шейх-Зайед-роуд, на шестьдесят втором этаже, с окнами в пустыню.

Представитель фонда — молодой эмиратец в белой кандуре, с британским акцентом и часами, которые стоили больше, чем весь Верин московский гардероб, — выслушал её очень вежливо.

— Продовольственная безопасность — наш приоритет, — сказал он. — Россия — крупнейший экспортёр пшеницы в мире. Нам интересно. Я приглашу нашего инвестиционного директора на следующую встречу.

Следующая встреча была назначена на завтра. Утром Ве-

ре пришло письмо: «К сожалению, в связи с изменением приоритетов портфеля…»

Она сидела на краю кровати в номере за сто двадцать долларов, слушая, как внизу на улице кричат продавцы, и смотрела на это письмо. Потом встала, оделась, вышла и пошла пешком по жаре — двадцать минут, до набережной Дубай-Крик, где старые деревянные лодки-абры возили людей через залив за один дирхам.

Она купила билет за дирхам и поплыла.

Посреди залива, на тёплой, пахнущей бензином и солью воде, ей пришло сообщение.

«Как Дубай? Надеюсь, вы не в Дейре. Там летом ужасно».

Ланской.

Вера смотрела на экран так долго, что лодочник — индиец в выцветшей рубашке — спросил, всё ли в порядке.

«Откуда вы знаете, где я?» — напечатала она.

«Мне позвонили из фонда. Спросили, что я думаю о вашей компании».

«И что вы ответили?»

«Правду. Что я сам её покупаю».

Вера закрыла глаза. Солнце било сквозь веки красным.

«Вы перекрываете мне воздух».

«Я не перекрываю. Я просто не вру, когда спрашивают».

«Это одно и то же».

«Нет, — пришёл ответ. — Перекрыть воздух — это позвонить первым. Я не звонил первым ни разу. Мне звонят. В

этом разница между мной и вашими врагами».

«У меня есть враги, кроме вас?»

Долгая пауза. Лодка подошла к причалу, и Вера, не глядя, сошла на берег, в толпу туристов и торговцев.

«Вам стоит лучше смотреть, кто сидит в вашем совете директоров», — написал он.

И больше ничего.

В Москву она вернулась в понедельник, в шесть утра. С самолёта, не заезжая домой, поехала в «Москва-Сити».

Башня «Федерация», восток. Пятьдесят восьмой этаж. Вера знала, что там офис «Ланской Капитал», потому что их банк когда-то участвовал в синдикате по его порту в Тамани, и она лично писала заключение по рискам. Заключение было положительное. Она тогда даже не задумалась, кто такой Ланской.

На ресепшене на первом этаже её не пустили.

— У вас назначено?

— Нет.

— Тогда, к сожалению…

— Позвоните наверх. Скажите: Сомова. Я подожду.

Охранник посмотрел на неё — помятую после ночного перелёта, в льняных брюках, с дорожной сумкой — так, как охранники смотрят на сумасшедших. Но позвонил. Через две минуты он положил трубку, и выражение лица у него стало совсем другим.

— Пятьдесят восьмой этаж, вас встретят.

Встретила её женщина лет сорока — высокая, худая, с короткой стрижкой и очень красной помадой. Строгий брючный костюм, туфли на шпильках, которые, казалось, могли проткнуть паркет.

— Дина Ройтман, — представилась она, не протягивая руки. — Юридический директор. Арсений Викторович на совещании. Он просил вас подождать.

— Долго?

— Сколько потребуется.

Её посадили в переговорную с видом на Москву. Город лежал внизу — серый, бесконечный, с рекой, изгибающейся между небоскрёбов, с крошечными машинками на Третьем кольце. Вера стояла у окна, и ей вдруг показалось, что вот так он и смотрит на всё — сверху, издалека, как на макет.

Он вошёл через сорок минут. Без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами. Посмотрел на её сумку, на мятые брюки.

— Вы прямо из аэропорта.

— Прямо из аэропорта.

— Кофе?

— Нет. Я пришла задать вопрос. Один. И хочу получить честный ответ.

— Я всегда отвечаю честно, — сказал он. — Иногда не отвечаю совсем. Но не вру.

— Это вы стоите за «Нордлэндом»?

Ланской не изменился в лице. Только чуть наклонил голову, как будто прислушивался.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Кто вам подсказал?

— Неважно. Да или нет?

Он сел за стол, напротив неё, и сцепил пальцы.

— Я не буду отвечать на этот вопрос, Вера Петровна.

— Значит, да.

— Значит, я не буду отвечать.

— Девять процентов, — сказала Вера. Голос у неё дрожал, и она ненавидела себя за это. — Вы купили девять процентов у моего отца в девятнадцатом году, через подставную кипрскую контору. Он думал, что продаёт пакет финансовому инвестору, а продавал вам. Вы уже семь лет сидите внутри компании. Вы знали, что EBITDA падает. Вы ждали, когда он ослабнет. А теперь он умер, и вы…

— Сядьте, — сказал Ланской.

— Не сяду.

— Сядьте, пожалуйста, — повторил он мягче. — Вы падаете с ног.

Она села. Не потому, что он сказал, а потому, что ноги правда не держали.

Он встал, подошёл к кофемашине в углу, сделал кофе — сам, без секретаря — и поставил перед ней. Потом, подумав, достал из ящика стола шоколадку — простую, «Алёнку», в бумажной обёртке — и положил рядом.

— Вы мне шоколадку даёте? — Вера даже растерялась.

— У вас сахар упал, вы бледная. Я сам вечно забываю есть. Держу в столе.

— Миллиардер с «Алёнкой» в столе.

— Там ещё «Мишка на Севере», если хотите. Ешьте, Вера Петровна. Потом будете меня ненавидеть.

Она развернула шоколадку. Отломила кусок. Шоколад был сладкий, простой, детский. Она жевала и смотрела на него, а он сидел напротив и ждал — терпеливо, не торопя, как ждут, когда поднимется тесто.

— Вы позвонили китайцам? — спросила она наконец.

— Нет. Мне позвонили из Пекина. Спросили, не собираюсь ли я конкурировать за актив. Я сказал, что собираюсь.

— Брыкину?

— Брыкин звонил мне сам. Хотел войти в долю в сделку. Я отказал. Он, видимо, решил, что, если не может со мной, будет против меня, но потом передумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.